

[В. В. ЕРМИЛОВ]

О поэзии войны

У нас мало говорят и пишут об одном из интересных поэтов первой четверти двадцатого столетия — Гумилеве.

Зачинатель одной из школ русского литературного декаданса, так называемого акмеизма, мастер строгой и изысканной формы, Гумилев еще долго будет объектом внимательного изучения. Но не только поэты, критики, исследователи литературы могут найти полезный материал, изучая творчество «конквистадора», как называл Гумилева Брюсов. Поучительнейшие выводы из этого изучения может сделать социолог, публицист, любой вдумчивый читатель, интересующийся процессом роста и консолидации *идеологии фашизма*.

Как конквистадор в панцире железном,
Я вышел в путь и весело иду...

писал о себе Гумилев. И в самом деле, как подлинному конквистадору, ему было безразлично, под каким знаменем бороться. Его увлекал самый процесс борьбы, романтика войны, — больше того: романтика *проливающейся крови* влекла к себе Гумилева. Жизнь, разрушение старых ее форм, строительство новых казалось ему бессмысленным, обреченным.

Созидающий башню сорвется,
Будет страшен стремительный лет.
И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет.

Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, всевидящим богом оставлен,
Он о муке своей возопит.

А ушедший в ночные пещеры,
Или в заводи тихой реки, —

Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрачки.

Не уйдешь от той доли кровавой,
Что земным предназначила твердь,
Но молчи: ненавистное право
Самому выбирать свою смерть.

Единственное, что есть в жизни, — это возможность самому избрать способ своей смерти. Строитель сорвется и погибнет, проклиная свое безумие. Разрушитель будет раздавлен тем же зданием, которое он разрушает. А тот, кто не хочет ни строить, ни разрушать, кого манит уединение ночных пещер или уют и спокойствие тихих заводей, не получит ни уединения, ни уюта, ибо, действительно, нельзя найти ни того, ни другого человеку, пытающемуся в капиталистическом обществе стать «по ту сторону борьбы».

Война для войны, кровь для крови — вот что осталось «конквистадору» наших дней, не понимающему расстановки борющихся сил в период капитализма, перешедшего в последнюю — империалистическую — стадию.

Идеологом вольнонаемнической интеллигенции, идущей на службу к империалистической буржуазии, той интеллигенции, которая служит сейчас Муссолини, того деклассированного полунинтеллигентского сброда, который поставляет мировой буржуазии людей с бомбочкой, беспринципных, безыдейных убийц, — вот чем объективно становится Гумилев. Его биография участника контр-революционных заговоров и энергичнейшего бойца белого стана подтверждает это.

Война радовала Гумилева просто потому, что это война.

Барабаны — гремите, а трубы — ревите,
а знамена — везде взнесены.
Со времен Македонца такой не бывало
грозовой и чудесной войны.

.....
Кровь лиловая немцев, голубая — французов
и славянская красная кровь.

Эти великолепные в своей торжественно-боевой музыкальности строки написаны Гумилевым в июне 1920 года!

Но можно ли жить войной для войны, не веря в смысл строительства, разрушения жизни?

Нельзя, конечно. И Гумилев сознает свою пустоту и ненужность:

Я, что мог быть лучшей из поэм,
Звонкой скрипкой или розой белою,

В этом мире сделался ничем,
Вот живу и ничего не делаю.

Ничего я в жизни не пойму...

Непонимание жизни, робость перед ее сложностью и трудностью — эти теоретические мотивы кажутся такими странными у Гумилева, гордо заявлявшего о себе:

И верю, как всегда, в мою звезду —
Я конквистадор в панцире железном.

И, однако, в посмертных его стихах мы не раз встречаем такие мотивы:

Я не знаю этой жизни, ах, она сложней
Утром синих, на закате голубых теней.

Мир синих и голубых теней, но это ведь и есть уход в «ночные пещеры или в заводи тихой реки», безнадежность которого прекрасно сознавал Гумилев.

Ведь пытающийся укрыться в этом мире мечтатель обязательно «повстречает свирепой пантеры наводящие ужас зрачки». И меньше всего подходил к роли такого мечтателя, бегущего в пещеры, Гумилев.

Он был одним из тех поэтов, которые *чувствуют свою эпоху*.

Это *чувство эпохи* дано не каждому художнику. Оно было дано Блоку, вся поэзия которого есть не что иное, как неясное, томительное предчувствие неизбежности великой перемены, ощущение непорочности, ломкости всего видимого, за которым выдвигался Блоку «исполинский очерк новых стран...»

Революция, ее носительница — Россия, неизбежность крови, — все это было разлито в поэтической стихии Блока неясными образами, смутными намеками, мистическими предвидениями и предчувствиями, и не могло быть иначе у Блока — попутчика революции, который хотел вместе с собой провести другого «попутчика» революции — Христа.

Чувство эпохи у Гумилева иное: оно тверже, яснее, но и уже. Два слагаемых образуют в своей сумме содержание нашей эпохи. Это — эпоха войн и революции. Второго слагаемого не видел, не чувствовал Гумилев. Он понял нашу эпоху как эпоху войн. Какие это войны, во имя кого и кем они ведутся — ему было непонятно. Но война для войны — это пустота, выхолощенность чувств и мысли, этим жить нельзя. Конквистадор наших дней — это выхолощенный, жутко-пустой и ничтожный юнец, с фамилией Конради или Каверда.

Мировая буржуазия сотнями и тысячами покупает сейчас людей, потерявших классовую базу, затерянных и одиноких, «ничего не понимающих в жизни», — людей, вместе с процессом своей деклассации теряющих человеческие черты, приходящих к последней степени *цинизма* — пустоты. Здесь резервуары мирового фашизма. Отсюда идут попытки воссоздания идеологии вольнонаемных убийц, делающих убийство и кровь самоцелью.

Конечно, в творчестве Гумилева нельзя найти законченной идеологии фашизма последнего образца. Мы только отмечаем тенденции этого поэта, не понявшего главного в эпохе — революции и поэтому ставшего ее врагом.

Но у врагов можно многому учиться. Сейчас, когда выхолощенные, позорные, продажные юноши одинокими выстрелами из английских револьверов нарушают предгрозовую тишину, установившуюся в мире, — писатели, художники советской страны должны отчетливее, чем когда-либо, суметь почувствовать эпоху, в которой они живут. Они должны не только умом, а всей силой чувств понять, ощутить эти два «грозных слагаемых» *эпохи войн и революций*. Они не должны прятаться за белую мантию пацифистских, непротивленческих, кисло-сладких, бездарнейших мещанских иллюзий.

Не мир, но меч! и, в частности, у художников империалистической буржуазии должны заимствовать художники советской страны их настоящую готовность к войне, их умение находить горячие и пламенные слова для идущих в бой бойцов.

Мы не романтики убийства и крови.

Сабля — не гребенка

Война — не спорт.

(Багрицкий)

Но если надо, если нас вынудят — будем драться не хуже любых наемных «конквистадоров». Будем драться не хуже, а лучше, ибо у нас организованная воля миллионов, знающих, за что они дерутся. Художники советской страны, уже осознающие, что в мире не остается больше «ночных пещер и тихих заводей», должны вместе с многомиллионным народом принять возможность навязанной нам войны, которая будет действительно самой «грозовой и чудесной» из всех войн, потому что она будет вестись пролетариатом и крестьянством всего мира за возможность мирно строить прекрасные здания грядущего общества.

